Глава 22. Беспомощная юность будущего президента

Почти месяц Янь Шань проходил с перебинтованной ногой, но теперь наконец-то мог свободно бегать и прыгать.

После уроков он вместе с Юань Пэем стоял в коридоре, опершись на перила. Они неспешно потягивали охлаждённое пюре из бобов мунг и болтали.

— Шань-шань, на той выставке каллиграфии и живописи в честь фестиваля искусств ты ведь взял Гран-при? — спросил Юань Пэй. — Дали что-нибудь полезное?

Янь Шань с громким хлюпаньем допил остатки через трубочку, смял пластиковый стаканчик в комок и точным броском отправил его в урну.

— Дали две сотни юаней и грамоту, — ответил он. — Ах да, учитель из студии сказал, что благодаря этой награде он попробует выбить мне место в тренировочном лагере Университета А во втором семестре.

Юань Пэй аж подпрыгнул от восторга:

— Ого! Академия изящных искусств университета А?! Шань-шань, ты же тогда сразу станешь «Учителем Янем». Те, кто от нашей школы попадает в такие лагеря, считай, уже одной ногой в университете.

Янь Шань легонько хлопнул друга по затылку и улыбнулся:

— Всё ещё висит на волоске. В Академию изящных искусств университета А не берут льготников, там нужно сдавать и творческие экзамены, и общее ЕГЭ. Если баллов по одному из предметов не хватит — пиши пропало.

— Ну, лазейки всегда найдутся, — не унимался Юань Пэй. — Другие специальности ведь набирают льготников. Перевёлся бы на какой-нибудь искусствоведческий факультет, и дело в шляпе. Брат, это же Университет А — лучший вуз страны!

— Нет, — отрезал Янь Шань. — Я хочу рисовать. Если мне не дадут держать в руках кисть, я лучше пойду в вуз попроще.

Они помолчали, а потом Юань Пэй вдруг спохватился:

— Кстати, а где брат Лу? Что-то я его в последнее время совсем не вижу.

— Почём мне знать? — буркнул Янь Шань.

— Если уж ты не знаешь, то кто тогда? Вы же в одном доме живёте, — фыркнул Юань Пэй. — Раньше вы вечно вместе ошивались, на меня и времени не оставалось. А теперь я прихожу к вам в класс, а там никого. Думал, вы опять куда-то вдвоём смылись.

Янь Шань помрачнел:

— Ничего подобного, не выдумывай. Он со мной больше не гуляет. И я ума не приложу почему. Такое чувство, будто он меня нарочно избегает.

Юань Пэй изумился:

— Ты опять что ли начудил и разозлил его?

— Быть не может! — возмутился Янь Шань. — Когда мы спорим из-за задач по математике, я всегда первым иду на попятную. Да и если бы он злился, я бы сразу заметил.

Но как бы он ни старался угодить, Лу Цунбай оставался безучастным.

Тот по-прежнему каждое утро покупал ему завтрак, охотно обсуждал задачи на переменах и всегда говорил мягко. Даже когда Янь Шань задерживал сдачу тетрадей из-за рисования, Лу Цунбай тайком подкладывал его работы в стопку на столе учителя.

Но при этом он перестал вместе с ним ходить в школу. Перестал вместе обедать.

Когда по вечерам они возвращались после занятий домой, Лу Цунбай лишь вежливо здоровался и тут же скрывался в своей комнате.

Янь Шань извёлся. Он даже в дверь стучал с опаской, боясь лишний раз потревожить «господина Лу».

— Сил моих больше нет, — пожаловался он другу. — Вдруг я всё-таки где-то накосячил?

— Не верю, — покачал головой Юань Пэй. — Брат Лу считает тебя настоящим другом. За всё время в Четвёртой школе я не видел, чтобы он к кому-то относился так хорошо. Чтобы этот скряга угостил тебя чаем с молоком? Я тогда чуть в обморок от шока не упал.

Янь Шань с сомнением нахмурился:

— Да он и себе купил… С чего ты взял, что он скряга?

— Да ты хоть знаешь, откуда у него этот чай взялся? — Юань Пэй закатил глаза. — Я просил его купить мне по пути, так он на моей карте копил печати за покупки. Восемь печатей — и любая чашка бесплатно. У него этих карточек целая коллекция.

— Так это значит, что у человека есть голова на плечах! — Янь Шань встал на защиту друга, хотя в душе всё равно обида закипала. — Мы же друзья, подумаешь, пару печатей себе забрал. А-Цэ даже денег с тебя за доставку не брал, хотя ты его каждый день как курьера гоняешь. И вообще, зачем тебе столько чая, ты же говорил, что он слишком сладкий?

— Я его не пью, — признался Юань Пэй. — Чжао-чжао любит. Мне же надо как-то искать общие темы для разговора.

Проспорив ещё полчаса, они так ни к чему и не пришли.

Янь Шань пребывал в растерянности, Юань Пэй тоже ничего не понимал. Отношение Лу Цунбая изменилось на сто восемьдесят градусов. Казалось, они вернулись в те времена, когда были едва знакомы.

— Шань-шань, — посоветовал напоследок Юань Пэй, — ты просто поговори с ним. Лучше выяснить всё сразу, чем гадать.

Янь Шань кивнул:

— Ты прав.

***

Вечером Янь Шань договорился с Лу Цунбаем вместе разобрать олимпиадные задачи, и тот согласился.

Однако на вечернюю самоподготовку Лу Цунбай не пришёл, отпросившись у учителя. И Янь Шань точно знал, что сегодня у того не было уроков с учениками.

В голову снова полезли дурные мысли. «Неужели он и впрямь меня избегает из-за чего-то, что я сделал?» — мучился он.

Весь вечер Янь Шань был сам не свой. Провалил проверочную работу, потом сидел, бездумно чиркая в альбоме, и совсем забыл про домашку.

Кое-как дождавшись конца занятий, он не остался на дополнительный час с ребятами из общежития, а поспешил домой.

По пути, проголодавшись, он заглянул в новую лавочку у моста и взял две порции лянпи.

Дома он постучал.

Лу Цунбай был у себя. Услышав шум, он вышел открыть дверь.

Янь Шань протянул ему пакет с едой. Заметив на шее Лу Цунбая наушники, он понял — тот снова вёл учебный стрим.

— Ты уже закончил? — спросил Янь Шань, стараясь говорить непринуждённо. — В комнате есть неудобно, пойдём на кухню?

Лу Цунбай улыбнулся и покачал головой:

— Нет, мне ещё нужно созвониться с парой ребят, объяснить им решение задач.

Он замялся на секунду, глядя на пакет.

— Спасибо за ужин. Поем, когда закончу эфир.

Янь Шаню оставалось только вздохнуть:

— Ну ладно. Отдохни потом, выглядишь уставшим.

Лу Цунбай на мгновение задержал на нём взгляд.

— Хорошо. Спасибо тебе, Янь Шань.

И снова скрылся за дверью.

Янь Шань убрал рюкзак и сел в гостиной. Сквозь стену доносился приглушённый голос Лу Цунбая — тот объяснял материал.

Он говорил хрипло — видимо, уже долго. Да и вид у него был измождённый.

«Неужели у него снова проблемы?» — Янь Шань чувствовал тревогу, но лезть в душу не решался. Если Лу Цунбай молчит, значит, на то есть причины.

Оставалось только ждать.

***

Лу Цунбай закончил только в два часа ночи.

Когда он вышел на кухню попить воды, Янь Шань уже давно спал. На журнальном столике сиротливо стояла коробочка с лянпи.

Лу Цунбай дотащился до ванной, смыл с себя дневную усталость и сел на диван. Он тупо смотрел перед собой, не в силах пошевелить даже пальцем.

Сил не осталось. Он пропустил вечерние уроки в школе, чтобы стримить с шести вечера до двух ночи. За восемь часов он отдыхал всего двадцать минут.

Хотя нет, это было вчера. Сейчас уже наступил новый день.

Лу Цунбай потёр воспалённые глаза и зевнул.

Было тяжело, но заработок того стоил. За сегодняшнюю ночь он получил больше восьмисот юаней — этого хватит, чтобы целый месяц не беспокоиться о еде.

В последнее время здоровье пошаливало, так что на питании экономить нельзя. Нужно есть что-то получше пустой лапши.

В этом месяце доходы просели: у его учеников началась экзаменационная неделя, и они отменили занятия. К тому же Лу Цунбаю самому нужно было готовиться к олимпиаде, и он несколько раз отказывался от подработок.

Денег катастрофически не хватало. Ему нужно было покупать учебные пособия, оплачивать взносы за участие в олимпиадах, распечатывать тесты.

Скоро лето, а значит, пора менять одежду. Школьной формы хватало, но бельё и футболки изнашивались быстро. Болеть сейчас — непозволительная роскошь, лекарства стоят дороже новой майки.

Кроссовки прохудились, нужна новая пара.

На следующей неделе пора платить за аренду и коммуналку. Янь Шань, конечно, не станет требовать денег, но Лу Цунбай не хотел быть должником.

Расходы, одни расходы…

«Почему всё упирается в деньги?» — горько подумал он.

Если бы только он мог получить хоть что-то от семьи…

Лу Цунбай тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Бесполезно.

Его взгляд упал на лянпи. Он подумал, что если уберёт еду в холодильник, то завтра сэкономит на завтраке.

Но вдруг ему до боли захотелось побаловать себя. Наесться досыта и просто уснуть.

А ещё ему невыносимо не хватало Янь Шаня. Хотя тот спал всего в нескольких шагах отсюда.

Лу Цунбай разломил палочки и принялся перемешивать остывшее, слипшееся лянпи с соусом.

Он отправил в рот огромный кусок и начал жадно жевать. Аромат специй и нежный вкус рисового теста наполнили его, принося странное, почти физическое чувство безопасности.

Он был голоден как волк. Он ел так быстро, что поперхнулся и зашёлся в кашле. Он покраснел и прослезился.

Не давая себе передышки, он снова уткнулся в лянпи.

Через пару минут всё было кончено. Он облизнул губы и принялся палочками вылавливать из соуса остатки зелени и мелкие кусочки чеснока.

Когда в коробке ничего не осталось, Лу Цунбай замер, глядя в пустоту.

Он невольно представил, как Янь Шань шёл за этой едой, как выбирал её, как нёс домой. Он видел это как наяву.

Он помнил встревоженный взгляд друга в дверях. Он знал, о чём тот переживает, но сказать правду не мог. Приходилось отделываться мягкими фразами и завтра снова «откупаться» завтраком, продолжая эту игру в прятки.

Он не мог признаться. Гордость и хрупкое, израненное самолюбие не позволяли.

Если бы Янь Шань был ему безразличен, всё было бы проще. Но это было не так.

Он лишь хотел сохранить хоть каплю достоинства в глазах единственного дорогого человека.

Не хотел, чтобы тот видел его нищету.

Но сейчас, после этой тарелки лянпи, ему до дрожи захотелось просто поговорить с ним. О чём угодно.

Лу Цунбай молча смотрел на пустую пластиковую коробку. Та отвечала ему безмолвной пустотой.

Прошло много времени, прежде чем первая слеза упала в соус, разбившись о дно.

За ней последовала вторая, третья... Они скапливались в складках пластикового пакета, принимая в себя всю его горечь.

Лу Цунбай ссутулился, мелко задрожал, но он не издал ни звука.

***

В последующие дни Янь Шаню так и не удалось нормально поговорить с Лу Цунбаем.

Хотя они жили в одной квартире и в классе сидели друг за другом, плотный график учёбы разводил их в разные стороны.

Лу Цунбай продолжал пропускать вечерние занятия, пропадая на подработках или запираясь в комнате для стримов.

Янь Шаню оставалось только проявлять мелкие знаки внимания, стараясь не дать их дружбе окончательно заглохнуть.

Он кожей чувствовал — Лу Цунбай в беде.

Как-то вечером он постучал в дверь и протянул другу стакан чая с молоком. Заметив глубокие тени под глазами Лу Цунбая, он не выдержал:

— Ты совсем не спишь? Почему ты такой бледный?

Лу Цунбай вымученно улыбнулся:

— Просто работы навалилось.

— Здоровье важнее всякой работы. Даже классный руководитель спрашивал меня про тебя. Он

волнуется, что ты вечно пропускаешь самоподготовку. Что случилось?

Янь Шань смотрел на него с мольбой:

— У тебя проблемы? Чем я могу помочь?

Лу Цунбай взял чай и мягко подтолкнул Янь Шаня к выходу.

— Правда, всё в порядке. Просто сейчас такой период, много заказов на репетиторство. Скоро станет легче, вот увидишь.

Что бы Янь Шань ни спрашивал, ответ был один и тот же. Пришлось отступить.

Когда дверь закрылась, Лу Цунбай прислонился к ней спиной. Он мгновенно перестал улыбаться.

Он немного постоял с чаем в руках, а потом снова сел за компьютер.

Экран светился в темноте, в углу тикали цифры эфира: 02:24:39.

Он выкроил пару часов после школы, чтобы постримить.

Два часа он просто решал задачи перед камерой. Это был формат «учись вместе со мной».

Заработок составил всего четыре юаня.

Копейки. Но сейчас для него был важен каждый юань.

Лу Цунбай продолжал работать.

Если бы только нашлось больше учеников... Или любая другая работа. Лишь бы платили.

Он потёр глаза и вернулся к тестам. Камера транслировала его рабочий стол, показывая зрителям каждое движение ручки.

Он периодически проверял чат, чтобы удерживать аудиторию и не давать рейтингу комнаты падать.

Внезапно его взгляд зацепился за сообщение.

[У стримера на столе классная картина. Есть ссылка, где купить?]

Лу Цунбай впервые за долгое время заговорил в микрофон:

— Это друг нарисовал.

В чате тут же посыпались комментарии:

[Ой, напугал!]

[Ничего себе, он умеет говорить?]

[Чудо медицины!]

[Голос у парня приятный.]

[Хе-хе, стоило стримеру открыть рот, и все сразу оживились.]

Сообщений стало много. Тот же пользователь написал снова:

[Продаёшь?]

Лу Цунбай замер.

Он посмотрел на маленькую картину с розами, стоящую рядом с монитором.

Она была с ним уже долгое время. Иногда, когда ночная учёба или работа становились невыносимыми, он смотрел на этот рисунок. В этих розах была какая-то неистовая жажда жизни, яркость, которая придавала ему сил.

Но сейчас…

Лу Цунбай заколебался.

— Если очень нужно, отдам за восемьсот юаней. Ни меньше ни на грош.

И добавил:

— Она мне дорога. За бесценок не отдам.

В чате ответили: [Давай в личку.]

Через минуту пришло сообщение:

[Слушай, стример, скажу честно: эта работа стоит от силы сотку. Размер маленький, техника и детали хромают. Я бы и юаня не дал за технику, но в ней есть сумасшедшая экспрессия. Если твой друг не бросит это дело, из него выйдет толк.]

[Если согласен, куплю. Пересылка за мой счёт.]

Лу Цунбая задело за живое. Он принялся яростно доказывать, что рисунок Янь Шаня — лучший в мире.

После долгого спора покупатель поднял цену до ста двадцати.

Лу Цунбай был в бешенстве.

«Да я скорее с голоду сдохну, чем продам её тебе за такие деньги!» — со злостью напечатал он.

Собеседник ответил с явным вздохом:

[Парень, посмотри на рынок. Твой друг — явный новичок, и то, что я вообще предлагаю деньги — уже удача. Я торгуюсь только потому, что мне нравится его стиль. Возможно, в будущем мы сможем сотрудничать.]

[Давай так: триста юаней — мой предел. У меня своя галерея, я могу оставить контакты твоему другу. Если ему понадобятся советы по живописи — пусть пишет.]

[Больше не дам.]

Лу Цунбай разрывался на части. Он не хотел продавать подарок, но…

Его взгляд упал на телефон. Экран вспыхнул — пришло сообщение в WeChat.

От Девятого дяди.

«Сяо Лу, сегодня мы с представителями сообщества пытались договориться о выплатах, но результат плохой. Скорее всего, алиментов ты так и не увидишь, будь к этому готов. Если понадобится, мы поможем подать в суд, но это долго и сложно. Тебе придётся ещё немного потерпеть. Если станет совсем туго — приходи ко мне, крыша над головой и еда для тебя

всегда найдутся».

«Ты ещё ребёнок, не пытайся тащить всё на себе. Проси о помощи, когда не справляешься».

Лу Цунбай до боли закусил губу, не отрывая взгляда от экрана, пока тот не погас.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким беспомощным. Таким смертельно уставшим.

Почему одни живут легко и беззаботно, а другие должны изворачиваться из последних сил, просто чтобы не уснуть на пустой желудок?

Почему нужно просчитывать каждый шаг, чтобы сохранить хоть каплю достоинства перед теми, кто тебе дорог?

Он правда устал.

Лу Цунбай долго сидел в тишине. Наконец он тяжело вздохнул и напечатал два слова покупателю:

«Идёт. По рукам».

http://bllate.org/book/17575/1712533